

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.2.4>

Гаганова Анна Анатольевна

Типология образа героя производственного романа 1920-1970-х гг. на материале русской литературы советского периода

Исследование посвящено амбициозной литературной стратегии XX века - производственному роману. В статье при помощи литературоведческого инструментария жанр производственного романа впервые рассматривается в его эволюции с акцентом на образе героя. Автор приходит к выводу о том, что понятие "труд", являющееся базовой ценностью в сознании героя данного жанра, способно принимать несколько форм. Если на этапе становления и расцвета жанра понятие труда для героя связывается с его социальной миссией, преобразованием мира и построением нового общества, то в период его угасания понятие труда для персонажа становится синонимично заработку, образу жизни. Установлено, что происходит смена гротескного образа преобразователя мира реалистичным образом профессионала.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/2/4.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 2. С. 18-24. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

9. Мельникова Л. В. Пейзаж как средство воплощения эстетического идеала в поэзии М. В. Ломоносова // Пейзаж как развивающаяся форма воплощения авторской концепции. М.: МОПИ, 1984. С. 3-17.
10. Пашкуров А. Н., Бакиров Р. А. Диалог документального и художественного в зеркале литературных направлений русской словесности XVIII века // Филология и культура. 2016. № 3 (45). С. 141-146.
11. Пономарева Е. В. Маргинальное пересечение с другими документально-художественными формами // Национальная ассоциация ученых. 2015. № 4: в 9-ти ч. Ч. 5. С. 129-132.
12. Себина Е. Н. Пейзаж // Чернец Л. В., Хализев В. Е., Эсалнек А. Я. и др. Введение в литературоведение: учеб. пособие / под ред. Л. В. Чернец. М.: Высшая школа, 2004. С. 264-275.

Landscape Functions in V. M. Golovnin's Prose

Vereshchagina Kseniya Andreevna
Pacific National University, Khabarovsk
kseniya.vereshchagina@mail.ru

The article focuses on identifying landscape functions in V. M. Golovnin's works "Memoirs of a Captivity in Japan, during the Years 1811, 1812 and 1813 with Observations on the Country and the People" (1815), "The Journey of the Russian Imperial Sloop 'Diana' from Kronstadt to Kamchatka" (1819), "Around the World on the Kamchatka" (1822). The paper examines the typology of the functions of landscape descriptions in V. M. Golovnin's works as forms of documentary-fiction prose. The researcher reveals and analyses two types of landscapes: "chronotopic" and "psychological" ones. The basic meaningful components of each type of landscape are identified.

Key words and phrases: landscape; landscape functions; V. M. Golovnin; documentary- fiction narration; realism.

УДК 821.161.1

Дата поступления рукописи: 08.01.2020

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.2.4>

Исследование посвящено амбициозной литературной стратегии XX века – производственному роману. В статье при помощи литературоведческого инструментария жанр производственного романа впервые рассматривается в его эволюции с акцентом на образе героя. Автор приходит к выводу о том, что понятие «труд», являющееся базовой ценностью в сознании героя данного жанра, способно принимать несколько форм. Если на этапе становления и расцвета жанра понятие труда для героя связывается с его социальной миссией, преобразованием мира и построением нового общества, то в период его угасания понятие труда для персонажа становится синонимично заработку, образу жизни. Установлено, что происходит смена гротескного образа преобразователя мира реалистичным образом профессионала.

Ключевые слова и фразы: русская проза XX в.; производственный роман; тема труда; человек труда; рабочая тема; типология; литературный портрет; литературный характер.

Гаганова Анна Анатольевна
Московский государственный педагогический университет
briolett@yandex.ru

Типология образа героя производственного романа 1920-1970-х гг. на материале русской литературы советского периода

Художественный образ человека труда прошел лейтмотивом через всю отечественную прозу XX века. Объективной исторической основой для обращения писателей к производственной теме послужила индустриально-техническая революция, пришедшая из Европы в Россию на рубеже XIX-XX веков. Интерес к производственной тематике был усилен постреволюционной национализацией промышленности и провозглашенным в 1925 г. XIV съездом ВКП(б) «курсом на индустриализацию аграрной страны», выразившимся в беспрецедентном по масштабу строительстве заводов-гигантов и, как следствие, в радикальном переустройстве социальной жизни. Эти исторические явления нашли отражение в искусстве, например в «индустриальных пейзажах» А. В. Куприна.

Тема труда послужила основой для создания десятков произведений в жанре производственного романа и заявила о себе как амбициозная литературная стратегия. Художественный образ человека труда привлекал внимание таких мастеров художественного слова, как Л. Леонов, А. Малышкин, Н. Ляшко, В. Катаев, И. Эренбург, Г. Николаева, В. Панова, Ю. Трифонов, А. Бек, Д. Гранин [3, с. 36].

Актуальность исследования связана с необходимостью анализа производственного романа как самостоятельного литературного направления отечественной литературы XX в. Художественная специфика производственного романа значима для современной науки, поскольку изучение художественного образа, характерного для конкретного литературного течения, способно раскрыть универсальные закономерности развития

и угасания жанра. Одновременно актуальность исследования обоснована необходимостью целостного восприятия литературного процесса XX века, в котором тема труда играла значимую роль, однако не получила до настоящего времени системного анализа, что подчеркивает новизну нашего исследования, охватывающего весь хронологический период развития жанра: с середины 20-х годов по 70-е годы XX века.

Производственный роман, являясь в советские годы объектом многих диссертационных исследований, парадоксальным образом был слабо изучен с позиций академической науки. Исследования проводились на стыке литературной критики и литературоведения и, как правило, посвящались одному-двум писателям и касались образа человека труда, но не жанра в целом. Необходимо упомянуть кандидатские работы Л. Г. Эгле, Н. Е. Васильевой, Л. М. Цилевич, К. П. Чулковой, Т. В. Клеофастовой, А. З. Костенко, М. В. Прокурова, Т. Ф. Лобавновой, Р. М. Каширина, А. К. Дремова, Н. А. Анисимова, В. Я. Саватеева, А. С. Гришина; докторские диссертации В. М. Акимова, Л. И. Демина, Л. И. Петровичева. Ни в одной из этих работ мы не обнаружили рабочего определения производственного романа как самостоятельного жанра советской прозы. Отметим, что производственный роман не был выделен в самостоятельную литературную стратегию и составителями литературных словарей и энциклопедий: в Краткой литературной энциклопедии в 9-ти томах (1969-1978 гг.) и в Литературной энциклопедии в 9-ти томах (1935 г.) определение производственного романа отсутствует. Примечательно, что на момент начала нашей работы над темой диссертации, посвященной производственному роману (2011 г.), его определение отсутствовало и в электронных словарях и энциклопедиях. Однако после выхода в 2015 г. в издательстве «Спутник+» монографии «Производственный роман, кристаллизация жанра» [3] в электронной энциклопедии «Википедия» появляется публикация «производственный роман», основанная на некоторых наших постулатах.

Среди работ последнего времени, посвященных производственному роману как самостоятельному жанровому явлению советской литературы, можно отметить кандидатскую диссертацию Д. Д. Земсковой [8]. Достоинством данной работы является обращение к производственному роману как особому жанру русской литературы советского периода, вычленение его из других литературных течений. Однако главным недостатком этого исследования, на наш взгляд, является избыточное социологизаторство, обращение к междисциплинарному инструментарию исследования, объяснение истории жанра с позиции истории страны. Использование автором такого оборота, как «образ индустриализации» [Там же, с. 22], который, с точки зрения исследователя, обеспечивает производственному роману жанровую целостность, на наш взгляд, сомнительно, учитывая, что производственный роман присутствует в советской литературе до 70-х гг. XX века, когда индустриализации уже не было. В диссертации Д. Д. Земсковой, например, читаем: «Предметом исследования становится социокультурная и политическая ситуация, спровоцировавшая зарождение литературы о труде, а также процесс эстетического становления этой литературы, её развития и упадка» [Там же, с. 8].

Научная новизна нашего исследования состоит в том, что мы обращаем наше исследовательское внимание на производственный роман как самостоятельное направление отечественной прозы, фокусируясь на литературном образе героя, и опираемся в нашем анализе на инструментарий литературоведения. До настоящего времени литературный образ героя – человека труда, характерный для всей истории жанра – от Глеба Чумалова (Ф. Гладков) и доменщика Короткова (Н. Ляшко) до министра-металлурга Александра Онисимова (А. Бек), – детально не был осмыслен. Таким образом, новизна нашего исследования состоит и в неизученности образа героя производственного романа ранее, и в фокусировке нашего внимания на литературном образе героя в качестве объекта исследования. К новизне нашего исследования можно также отнести разграничение филологических и социологических методов исследования, ограничение анализа инструментариумом литературоведения.

Гипотеза нашего исследования состоит в том, что художественная специфика литературного образа героя отражает ведущие жанровые характеристики производственного романа. Литературный образ героя производственного романа достаточно разнообразен.

Цель состоит в поиске типологических инвариантов литературного образа человека труда, позволяющих разделить типы персонажей на определенные группы. Подобная типологическая картина позволит детализированно и предметно проследить художественную эволюцию жанра. Полученные результаты исследования имеют **практическую значимость** и могут быть использованы при построении лекционных курсов по истории русской литературы XX в.

Производственный роман – особое направление русской литературы советского периода, датируемое с середины 20-х гг. XX столетия по середину 70-х годов XX в. В этом направлении мы видим, с одной стороны, уже характерное для русских классиков обращение к образу человека труда, а с другой стороны, замечаем уникальность этого образа. Справедливо утверждать, что именно литературный портрет человека труда лежит в основе производственного романа как самостоятельного жанра. Для литературного героя производственного романа характерно, с одной стороны, отражение новой исторической вехи России – индустриализации, а с другой стороны, значимое влияние соцреалистического художественного канона.

Человек труда производственного романа начала XX века – рабочий, вставший к заводскому станку в те годы, когда Советская Россия уже провела национализацию промышленности и в стране появился невиданный в царской России социальный класс специалистов, работающих не на частника-капиталиста, а на государство, что не могло не отразиться на мышлении самих рабочих. Анализ литературных произведений, созданных в первой трети XX века, подтверждает наш тезис. Разительно различаются мышление и ценности унылых мастеров-карамельщиков, работающих на фабриканта Воскобойникова и втайне желающих ему зла, персонажей автобиографического романа Н. Ляшко «Сладкая каторга», и жизнерадостное мышление

мастера-доменщика Короткова, героя повести «Доменная печь» [13], которую мы можем считать первым значительным произведением, созданным в жанре производственного романа.

Образ человека труда был привлекателен для писателей натуральной школы XIX века, а в начале XX века в дореволюционной прозе мы видим литературные портреты рядового человека труда в социальных очерках Гл. Успенского, Ин. Оммулевского, Ф. Решетникова, в рассказах А. Серафимовича [3, с. 63]. Например, в своих рассказах, апеллирующих к натуральной школе, А. Серафимович показывает бесправие человека труда в дореволюционные годы. В рассказе «Стрелочник» (1891) А. Серафимович создает собирательный образ «маленького человека» на железной дороге – Ивана Пелипасова, который находится в самом низу социальной лестницы, и у него нет веры ни в себя, ни в свое радостное будущее.

Литературным портретам дореволюционного человека труда присущ трагизм. М. Горький приложил немало усилий для популяризации произведений о человеке труда, выступив организатором книжной серии «История фабрик и заводов». В ретроспективных произведениях о дореволюционной России М. Горький наполняет образ трудового человека трагичным драматизмом, отражающим несправедливо низкое положение человека труда на социальной лестнице. Так, в первой части «Жизни Клима Самгина» (1925-1926) присутствует ретроспективная оценка М. Горьким участников дореволюционной Нижегородской ярмарки, ожидающих визита императора: «Рабочих, мастеровщину показывать (русскому императору. – А. Г.) не будут. Ежели мастеровой не за работой, так он – пьяный» [4, с. 528]. Картина выставки-ярмарки демонстрирует трагизм труда ремесленника, который вынужден работать, чтобы добывать себе деньги на пропитание, и хотя личностный потенциал русского трудового человека огромен, способности его не раскрываются в полной мере. «Было ясно, что это тот самый великий русский народ, чьи умные руки создали неисчислимые богатства, красиво разбросанные там, на унылом поле» [Там же, с. 516]. Совсем иная тональность в одном из наиболее жанрово репрезентативных производственных романов – «Люди из захолустья» А. Малышкина [14]. «Это была та самая гора Красная, насыщенная чудовищными залежами драгоценной железной руды, у подножия которой и ради которой созидался небывалый завод-гигант. Не было видно работающего человека, человек отдыхал, но и во временном этом безмолвии, в застылости буровых вышек, безлюдных карьеров, недомонтированных кранов проступал тот же стремительный, опьяняющий размах» [Там же, с. 263].

В картине Нижегородской ярмарки романа М. Горького показано психологическое отчуждение человека от продукта своего труда. Работнику интересна лишь финансовая сторона работы – цена, за которую можно продать вещь, труд, получить прибыль («Живем – плохо, а работаем – вон как хорошо!» [4, с. 516]). Но психологически еще тяжелее, когда человек из «независимого кустаря», которого мы видим в эпизоде Нижегородской ярмарки, превращается в рабочего, занятого на промышленном конвейере. Крестьянин, занятый в натуральном хозяйстве, работает на себя, что приносит, несмотря на физически тяжелый труд, чувство морального удовлетворения, а ремесленник может управлять своим частным производством. Однако на промышленном конвейере рабочий создает стандартизованную деталь, некий промежуточный продукт, которым он не может распорядиться, сам превращаясь в «шестеренку» механизма, в «живую машину».

Немецкий мыслитель Э. Фромм, анализируя психологию трудового человека, включенного в конвейерный труд, предупреждал, что погоня за прибылью приводит к обесцениванию таких понятий, как мастерство, творчество, человек чувствует себя элементом машины. «Если все усилия направлены на то, чтобы *делать больше*, качество жизни теряет всякое значение, а деятельность, бывшая средством, становится целью» [17, с. 221].

Промышленная революция, пришедшая из Европы в Россию, несла в себе опасность психологического феномена отчуждения труда. Однако в производственном романе, исторической основой которого стала индустриализация, мы видим литературные образы, которые отражают отнюдь не отчуждение, а, напротив, активную заинтересованность человека в труде, энтузиазм, альтруизм, коллективизм. Это, прежде всего, связано с тем, что рабочий в стране, проведшей национализацию промышленности, себя чувствует свободным и полноправным хозяином фабрик и заводов. В повести Н. Ляшко «Доменная печь» (1924) мастер Коротков – главный персонаж книги – выступает перед своими товарищами, металлургами: «Слушайте! У всех у вас горит сердце, все вы к работе рветесь, но гляньте, какой завод! Можно на таком заводе руду плавить, железо прокатывать или ковать? Ведь завод впору сдавать под выгон – коз пасти и тлю плодить. Надо раньше прибрать его, надо бурьян вырвать с корнем, начисто, чтоб дурман не шел от него. Станки надо почистить, а то зарастут...» [13, с. 33].

Подобное трепетное отношение к производству, характерное для исторического периода развития жанра с середины 20-х до середины 50-х годов XX века, контрастирует с дореволюционным образом металлургического завода, который, например, у А. Куприна отражен в очерке о Юзовском заводе и, получает художественную оценку автора в метафоре с чудовищем – Молохом, требующим человеческих жертв. В повести «Молох» (написана в 90-е годы XIX века, когда начались массовые выступления рабочих против жестокой эксплуатации), читаем: «Электрические огни примешивали к пурпурному свету раскаленного железа свой голубоватый мертвый блеск. От зарева заводских огней лицо Боброва приняло в темноте зловещий медный оттенок. И голос его звучал пронзительно и злобно: “Вот он – Молох, требующий теплой человеческой крови! О, конечно, здесь прогресс, машинный труд... Двадцать лет человеческой жизни в сутки!”» [11, с. 132]. Очевидно активное неприятие русскими писателями жизненной несправедливости, жалкого и зависимого положения рабочих.

Французский писатель и общественный деятель Пьер Амп, которому литературоведы приписывают введение понятия «индустриальный роман» [3, с. 40], указывает, что, возможно, именно труд способен был для человека стать особой «религией», вдохновляющей на благородные поступки, спланивающей людей в особое братство. Однако подобное становится возможным в том случае, когда человек не чувствует себя «эксплуатируемым»

или «шестеренкой конвейера»). Пьер Амп, автор серии индустриальных романов («Лен», «Рельсы», «Шампанское», «Песнь песней», «Шерсть» и др.), утверждал, что «искусство вернется к временам, когда оно обожествляло труд – труд земледельческий, труд военный. Драма завода стоит в той же плоскости, как и драма Илиады. Люди, которые сегодня держат на плечах всю действительную жизнь, которым достаются удары падающих камней и взрывающихся машин, – это поэты с закрытым ртом. В их душе живет тысячелетняя религия, Мессия которой еще не пришел: Справедливость. Их мечта, их стремление – ее установить. Какая более могущественная сила может дать искусству свое вдохновение?!» [1, с. 26].

Заметим, что поэтика производственного романа как раз и зиждется на идее «справедливого, сплывающего труда». Причем нельзя назвать этот труд легким, и более того, нередко в литературных произведениях нашего жанра мы видим труд на грани физических и психологических возможностей. Однако этот труд обретает масштабную цель и потому становится осмысленным, а лишения – оправданными. Например, в романе В. Кетлинской «Мужество» (1938) мы видим, как комсомолец объединяет образ мечты – новый город, выросший на берегу Амура. Эта мечта заставляет молодых ребят терпеть нечеловеческие лишения, работать в тяжелейших условиях, которые подчас приводят к гибели товарищей.

«Над Амуром, на пригорке вырыли могилу. Спели Молодую гвардию. Слова песни звучали вызовом всем грядущим трудностям. Но сквозь вызов просачивалась боль. Пашку любили. Его полюбили еще больше теперь, когда его не стало. Уже начали расходиться, когда на могилу вскочила Клава. “Ребята! Комсомольцы! Что же вы головы повесили? вспомните Пашу Матвеева – у него была цинга, он вечером лежал, отдышаться не мог, а на работе был первым, и на каждый случай у него находилась шутка. А все потому, что он мечтал. Он мечтал о комсомольском городе, он хотел построить его. А разве мы не хотим, разве мы не мечтаем о том же?”» [9, с. 221].

В ряде производственных романов первой трети XX века отражено непонимание энтузиазма советских рабочих иностранцами из капиталистических стран. Таков, например, инженер-американец Джим Кларк в романе Б. Ясенского «Человек меняет кожу»: «Кларк не верил в социализм. Он считал богатство единственным стимулом человеческой изобретательности и энергии. Но он был спортсмен. Ему нравилась эта страна, затеявшая небывалый эксперимент и отстаивавшая его наперекор всему миру. Поэтому он приехал сюда работать, принимать участие в осуществлении эксперимента, в который не верил» [18, с. 10].

Западные русисты упорно связывают тему труда с политическими установками советской эпохи и с художественным канонам соцреализма, в котором литературные портреты героев создаются средствами мифологизации образа реального человека. Например, у Х. Гюнтера в статье «Архетипы советской эпохи» мы читаем: «В процессе мифологизации исторические лица подгоняются под мифологическую парадигму, причем решающую роль играет забвение индивидуально-исторических черт» [5, с. 745]. С точки зрения Х. Гюнтера, в системе литературных персонажей, отражающих тему труда, лежит идеология, а само понятие «труд» является концептуальной идеологемой. В сборнике «Соцреалистический канон» под редакцией Е. Добренко, объединившем статьи западных русистов, мы читаем: «В соответствии с идеологией, на вершине стоит герой социалистического труда. Он связан с Прометеевской традицией культурного героя, который дарит людям технические, научные, художественные и иные достижения» [Там же, с. 746].

С этой установкой, которой западные русисты придают обобщающий и тотальный характер, можно спорить, вспомнив ряд производственных романов, в которых и сюжет, и литературные герои по ряду художественных признаков как бы «выламываются», выходят за пределы производственного романа как социально значимого жанра. Например, одним из важнейших мотивов производственного романа первой трети XX века является мотив переделки и перевоспитания человека, что действительно имеет идеологическую основу – достаточно вспомнить сборник «Беломорско-Балтийский канал им. Сталина, история строительства», вышедший под редакцией М. Горького, А. Фирсова и Л. Авербаха (1934). Однако мы можем найти производственные романы, в которых этот, заявленный в начале произведения, мотив в финале романа разрушен, обесценен, «вывернут наизнанку». Так, например, в «Соти» (1929) Л. Леонова мы видим, как попытки строителя бумажного комбината Ивана Увадьева по «перевоспитанию» и «крещению в новую веру» монахов-старообрядцев заканчиваются трагически.

«Увадьеву было немножко стыдно того облегчения, с которым он покинул палату; вдобавок было такое чувство, будто где-то в укромном уголке его самого стоит Жеглов и наблюдает его жестокою, здоровую повадку. “Ну, как Геласиева пружина?” – “Она умерла, – говорит Увадьев. – В каждом производстве бывает брак”. – “Слишком велик брак в твоём производстве, Увадьев!” – “Впервые, друг, впервые. Все еще неясно на этой фабрике новых людей. Станков толком расставить не умеем, правда твоя. А парня жалко...”» [12, с. 174]. В 90-е годы XX века литературоведы подвергли сомнению «положительность» образа лидера стройки – Ивана Увадьева. Т. М. Вахитова, сравнивая «Соть» с «Котлованом» А. Платонова, даже отыскала в лидере стройки Увадьеве черты антигероя, который разрушает монашеский скит [2, с. 110]. Дискуссия вокруг образа «положительного героя» подчеркивает реализм Л. Леонова, его стремление отразить в произведении реальные прототипы, а не социально значимую «идею», реальную жизнь, в которой не встречаются «идеальные люди». Следует отметить, что перед написанием романа «Соть» Л. Леонов отправился в писательскую командировку для ознакомления с крупнейшими стройками страны.

Можно проследить целую галерею персонажей, в образах которых писатели обобщали и типизировали реально существующих людей своей эпохи. Вот некоторые герои из произведений довоенного периода развития жанра: доменщик Коротков («Доменная печь» Н. Ляшко), судовой механик Саша Басов («Ганкер

«Дербент»» Ю. Крымова), предприниматель Сергей Потемкин, лидер стройки Иван Увадьев («Соть» Л. Леонова), плотник Иван Журкин («Люди из захолустья» А. Малышкина), рабочий Колька Ржанов (роман «День второй» И. Эренбурга). Несмотря на различие сфер деятельности, у всех персонажей – общая мировоззренческая установка: человек труда не мыслит себя вне профессии, именно профессиональное мастерство дает ему радость самореализации и наполняет жизнь глубоким смыслом. Подобное мировосприятие героя возводит тему труда в инновационную стратегию литературного процесса XX века.

Заметим, что само понятие «труд» носит концептуальный характер, эта лексема характерна для человеческой культуры на протяжении многих столетий, но каждая эпоха наполняет ее своими культурологическими оттенками [16, с. 7]. Поскольку предметом нашего исследования является литературный образ человека труда, присмотримся внимательнее к энциклопедическому понятию труда, которое отражено в русской лингвокультуре. Мы увидим, что в толковом словаре В. Даля понятие труда, прежде всего, связывалось с «усилием», тяжелой работой [6, с. 556]. Не будет ошибочным предположение, что подобная семантика связана с тяжелым сельскохозяйственным трудом, с превалирующим аграрным образом жизни, характерным для России во времена В. Даля. Однако уже в словаре С. Ожегова, который отражает языковые смыслы XX столетия, мы увидим, что слово «труд», прежде всего, обозначает деятельность, направленную на достижение определенной цели. Поэтому с уверенностью можно сказать, что в рассматриваемый нами период понятие труда было связано с осмысленным целеполаганием и индивидуально-психологической системой ценностей.

Поскольку главной задачей нашего исследования является поиск инвариантных типологических признаков в литературном портрете героя рассматриваемого жанра, постараемся вычленив базовые «смысловые формы» в психологическом портрете персонажей, апеллируя к концептуальному понятию труда. Рассмотрев, как психологически мотивированы персонажи в своей трудовой деятельности, мы можем объединить героев разных произведений по единому доминирующему мотиву.

Итак, понятие «труд» способно для героев приобретать разные личностные смыслы. Рассмотрим эти психологические смыслы подробнее, а также литературные портреты персонажей с точки зрения динамики художественного образа.

1. Труд как заработок

Для персонажа характерно отношение к труду как возможности заработать деньги на пропитание, на содержание своей семьи. Показательно, что для производственного романа послевоенного времени (1950-1960-е гг.) подобное отношение к труду не меняется на протяжении всего произведения, и образы героев являются достаточно статичными. Для этих персонажей понятие труда синонимично работе, профессии. Мы видим отношение к труду как к заработку и как к источнику материальных благ у героев произведений: Г. Владимирова «Три минуты молчания», «Большая руда», В. Липатова «Лида Вараксина», «Капитан “Смелого”», Ю. Трифонова «Утоление жажды».

Однако для героев довоенного производственного романа, в период становления жанра на фоне масштабного литературного эксперимента – художественного воплощения темы труда в советской прозе, характерно кардинальное изменение трудовой мотивации в процессе производственной деятельности. Весьма показателен роман А. Малышкина «Люди из захолустья» (1938). Изначально один из ключевых персонажей произведения – краснодеревщик Иван Алексеевич Журкин едет на стройку Красногорского металлургического комбината с единственной мыслью: заработать денег. «Извозчик выспрашивал гробовщика:

– Значит, ты, Лексев, говоришь – хороших делов искать поехал?

– Да уж больно мы тут набедавались, Васяня. Чтобы гроб кто заказал, я и забыл, когда это было. Теперь каждый себе самодельный норовит. По столярному делу когда-когда рамы сколотить позовут. Да кто теперь строится-то? А у меня их шесть ртов да мы с женой: по куску – так восемь кусков подай, по два – шестнадцать...» [14, с. 12].

Однако к концу повествования психология Журкина меняется. На заводе он получает возможность профессиональной самореализации и с радостью работает как плотник внеурочно, внося посильный вклад в общее дело. «Из окон доносилось неугомонное рычание станков. Ждали. Журкин вырвался из дверей цеха. Бегучим шагом пересекал двор. Его сапоги были зеркально начищены, пиджак в талии лихо перехвачен ремнем. Мчался по двору черноусый и чернобровый молодец в золоченой каске. А у самого Журкина заперло дыхание. Народ рябил перед ним, народ кружился, народ смотрел, конечно, восхищенно. От пронзительной гордости глаза у Журкина залило слезами» [Там же, с. 265].

2. Труд как образ жизни

Для персонажа в данном случае ведущей психологической установкой становится интеграция в определенную профессиональную касту, для него значимо общение с коллегами, определенный образ жизни, связанный с решением рабочих задач. В этом случае для героя личностными ценностями выступает понятие профессионализма. Весьма наглядно это показано в повестях «Знакомьтесь, Балув!» В. Кожевникова (1960) и «Сказание о директоре Прончатове» В. Липатова (1969). Понятие труда семантически пересекается с понятием работы в значении «мастерство». Заметим, что для этапа формирования жанра производственного романа (1920-1930-е годы) данный мотив не является базовым, однако для послевоенного времени становится достаточно распространенным и наиболее ярко себя раскрывает в 1950-1960-е годы в таких, например, произведениях, как «Журбины» Вс. Кочетова (1952), «Скудный материк» А. Рекемчука (1959), «За доброй надеждой» В. Конецкого (1959). Для этого периода развития жанра характерно обращение героя-производственника к качеству выпускаемой продукции – исторические этапы авральской стахановской работы и трудовых подвигов в Отечественную войну остались позади.

В романе Вс. Кочетова «Журбины» герой говорит: «Наш советский корабль знаешь каким должен быть? – Глаза Ильи Матвеевича смотрели хитро и весело, будто и не было никакого приказа о сокращении сроков постройки корабля... – Не чета скороспелым “Либертишкам”. “Либертишки” – военная надобность. Война пришла и ушла. А мы с тобой для мира работаем. Не на месяц, не на год» [10, с. 27].

3. Труд как социальная миссия

Понимая труд как социальную миссию, герой произведения вкладывает все свои силы в масштабное, значимое для страны дело, не считаясь с физическими и временными затратами. Он жертвует здоровьем, а иногда и семьей. Заработок не значим, значим высокий результат, способный преобразовать мир или как минимум определенное географическое пространство. Преобразовательная деятельность персонажа характерна для этапа становления жанра 1920-1930-х годов, когда шло преобразование целинных земель, тайги, лесного захолустья. Строились заводы-гиганты, прокладывались линии электропередач и железные дороги. Герои, преобразовывающие мир, отличаются нечеловеческой волей. Эти персонажи встречаются нам на страницах таких производственных романов, как «Соть» Л. Леонова (1929), «День второй» И. Эренбурга (1933), «Люди из захолустья» А. Малышкина (1938), «Время, вперед!» В. Катаева (1932), «Мужество» В. Кетлинской (1938), «Лесозавод» А. Караваевой (1927), «Человек меняет кожу» Б. Ясенского (1932), «Стальные ребра» М. Макарова (1928), «Кара-Бугаз» К. Паустовского (1933).

Финал романа «Соть» Л. Леонова красноречиво демонстрирует этот психологический типаж: «...Увадьев присел на краешек и сидел долго, с руками на коленях, пока не засияли огни Сотьстрога. <...> Колючим, бесстрастным взглядом, уставясь в мартовскую мглу, может быть, видел он города, которым предстояло возникнуть на безумных этих пространствах, и в них цветочный ветер играет локонами девочки с знакомым лицом; может быть, все, что видел он, представлялось ему лишь наивной картинкой из букваря Кати, напечатанного на его бумаге век спустя... Но отсюда всего заметней было, что изменялся лик Соти и люди переменились на ней» [12, с. 298].

4. Труд как самореализация

Для психологического типажа труд становится призванием. Для персонажа важен не заработок, а раскрытие своих способностей в профессии. Речь идет, однако, не о тяжелых физических нагрузках, как в случае с мотивом преобразования мира, а о мастерстве высокого уровня. Поэтому интеллект в литературном портрете героя является более значимой характеристикой, нежели воля. Подобные литературные портреты героев свойственны ученым, чья профессия связана с производством, а также для производственников с высшим техническим образованием. В качестве примеров приведем романы «Искатели» Д. Гранина (1954), «Не хлебом единым» В. Дудинцева (1956), «Битва в пути» Г. Николаевой (1957). Именно для героев этих произведений значимой становится дилемма: скорость или качество, рационализаторство или же количественный показатель, объемы продукции?

Показательно, насколько по-разному, в зависимости от своего мировоззрения, одни и те же производственные проблемы воспринимают профессионалы. Там, где инженер Дмитрий Бахирев (Г. Николаева «Битва в пути», 1957) искренне бьется за качество продукции, руководитель завода Семен Вальган видит лишь «маневр» своего подчиненного ради должностного роста.

«Дело не в освоении технологии. Дело в конструкции. Конструкция создавалась торопливо, испытывалась недостаточно. – Бахирев выложил чертежи и расчеты. – При расчетах недоисследована кинематика, не выявлены усилия, которые воздействуют на болты. Не учтены силы инерции.

Вальган слушал, не произнося ни слова. <...> Вальган воспринимал по-своему: “Маневр главного проясняется... Обвиняя во всем конструкцию, он тем самым пытается перекачать ответственность за противовесы со своей головы на мою. Как говорится, ход королевой!”» [15, с. 345].

Заметим, что в том случае, когда речь идет уже о научно-теоретической работе, мы наблюдаем, как установка на самореализацию, максимально полное раскрытие своих способностей переходит в желание создать уникальный, «штучный» продукт, и в этом случае труд уже воспринимается самим героем как искусство. Ради своего уникального «детища» герой готов на лишения, аскетический образ жизни, отсутствие зарплаты. Но в этом случае мы видим принципиально новый характер – героя-одиночки. Именно за индивидуализм, талант и целеустремленность образа Дмитрия Лопаткина, противопоставленные советской бюрократической инертной машине, на В. Дудинцева и обрушилась волна критики. Но яркая индивидуальность изобретателя Лопаткина сочетается с благородством, и уже на первых страницах книги мы читаем, что в годы войны Лопаткин вначале думал о солдатах, а уж потом о себе. Роман В. Дудинцева «Не хлебом единым» (1956) обладает определенной знаковостью для жанра, и не случайно для его названия писатель взял библейское изречение.

«Я говорю серьезно, – Дмитрий Алексеевич улыбнулся. – Для того чтобы просто жить, нужен хлеб. Но как бы я ни был голоден, я всегда променял бы свой хлеб на искру веры. У нас в госпитале были почти все раненые с Ленинградского фронта. И с некоторыми что-то случилось: наголодались они там, и вот, смотрю, сушат теперь на батарее корки! Высушат – и в подушечную наволочку. И у меня такое есть – только по отношению к людям, которые верят в мое дело! И еще – к ватману» [7, с. 53].

Герои, для которых труд становится самореализацией, возведенной в ранг искусства, ориентированы на творчество и создание такого продукта, который никто не сможет выполнить на подобном уровне.

Если мы рассмотрим, как последовательно сменяются литературные характеры в эволюции жанра производственного романа, то сможем обнаружить следующую тенденцию: на этапе становления жанра (1920-1930-е гг.) преобладает литературный характер человека как преобразователя мира. Для этого периода характерно

понимание труда как социальной миссии. В характере героя преобладают воля, самоотверженность, целеустремленность.

В 1940-1950-е гг., когда героем наиболее ярких и репрезентативных производственных романов становится металлург, старающийся в тылу поддержать действующую армию выпуском оружия, характер персонажа отражает желание сохранить завоевания раннего исторического периода. Для этого героя также свойственны воля и решимость.

В конце 1950-х и до середины 1960-х годов в отечественной прозе появляется новый литературный характер, перед нами человек-рационализатор. Он стремится к качественному улучшению производства, к оптимизации труда. Одновременно мы видим и появление героев, для которых труд является синонимом слова «работа», «заработок» и «образ жизни».

В 1970-е годы, которые являются завершающими для нашего жанра (поскольку постепенно уходит с литературных страниц герой-производственник), понятие труда наполняется смыслом «наука». Для литературного образа героя становится характерным стремление к самореализации, к максимально полному раскрытию способностей. Появляется мотив индивидуального творчества, контрастирующий с истоками производственного романа как жанра о коллективном ударном труде.

Производственный роман, история которого в отечественной словесности насчитывает более пяти десятилетий, отражает проблематику изменения человеческой личности в процессе трудовой деятельности. Мы убедились, что литературный образ героя производственного романа претерпел значительные изменения в процессе развития жанра. Мы обнаружили постепенную историческую смену образа героя, переделывающего мир, образом героя-профессионала, мастера своего дела.

Производственный роман – особый жанр русской литературы, в котором были созданы десятки произведений, он привлекал внимание выдающихся художников слова и влиял на литературный процесс в целом.

Список источников

1. Амп П. Искусство и труд / под ред. А. Гатова; пер. с фр. Х.: 2-я Типо-литография; Госиздат Украины, 1925. 76 с.
2. Вахитова Т. М. Леонов и Платонов. «Соть» и «Котлован» // Вахитова Т. М. Художественная картина мира в прозе Леонида Леонова (структура, поэтика, эволюция) / Российская акад. наук, Ин-т русской лит. (Пушкинский Дом). СПб.: Наука, 2007. С. 109-122.
3. Гаганова А. А. Производственный роман: кристаллизация жанра: монография / под ред. проф. Б. А. Леонова; предисл. проф. С. А. Небольсина; ИМЛИ РАН. М.: Спутник+, 2015. 244 с.
4. Горький А. М. Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: ГИХЛ, 1952. Т. 19. Жизнь Клима Самгина. Ч. 1. 547 с.
5. Гюнтер Х. Архетипы советской литературы. Герой // Соцреалистический канон / под ред. Х. Гюнтера. СПб.: Академический Проект, 2000. С. 743-784.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Рус. яз., 1998. 683 с.
7. Дудинцев В. Не хлебом единым: роман. М.: Советский писатель, 1957. 356 с.
8. Земскова Д. Д. Советский производственный роман: эволюция и художественные особенности жанра: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2016. 24 с.
9. Кетлинская В. Мужество: роман. М.: ГИХЛ, 1957. 684 с.
10. Кочетов Вс. Журбины: роман. М.: Современник, 1980. 381 с.
11. Куприн А. Повести. М.: Московский рабочий, 1973. 424 с.
12. Леонов Л. Соть: роман. М.: Сов. Россия, 1981. 302 с.
13. Ляшко Н. Доменная печь: повесть. М. – Л.: ГИХЛ, 1932. 136 с.
14. Малышкин А. Люди из захолустья: роман. Пермь: Кн. изд-во, 1982. 280 с.
15. Николаева Г. Битва в пути: роман. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1970. 744 с.
16. Токарев Г. В. Концепт как объект лингвокультурологии (на материале репрезентации концепта «труд» в русском языке): монография. Волгоград: Перемена, 2003. 232 с.
17. Фромм Э. Душа человека / пер. с англ. Т. В. Панфиловой. М.: АСТ, 2004. 572 с.
18. Ясенский Б. Человек меняет кожу: роман. М.: Гослитиздат, 1937. 557 с.

Typology of Heroes' Images in the Industrial Novel of the 1920-1970s by the Material of the Russian Literature of the Soviet Period

Gaganova Anna Anatol'evna
Moscow Pedagogical State University
briolett@yandex.ru

The study considers an ambitious literary strategy of the XX century – the industrial novel. The industrial novel genre is for the first time analysed in the diachronic aspect from the viewpoint of literary criticism with the emphasis on a hero's image. The author concludes that the concept "labour", a basic value of an industrial novel's hero, acquires different interpretations. If at the early and mature stages of the genre development, the concept "labour" is associated with a hero's social mission, the world's transformation and building a new society, than at the stage of the genre decay, the concept "labour" becomes synonymous with earnings, lifestyle. It is shown that the grotesque image of a global reformer is replaced by the realistic image of a specialist.

Key words and phrases: Russian prose of the XX century; industrial novel; theme of labour; man of labour; work theme; typology; literary portrait; literary personage.